

Юлия Логвиненко

Детский писатель, драматург, член Союза детских и юношеских писателей. Педагог детской театральной студии в Санкт-Петербурге. Редактор раздела поэзии в детском литературном журнале «Вверх тормашками». Пишет стихотворения, рассказы, повести, пьесы. Финалист международного конкурса Корнейчуковская премия, «Кора-стих», «Добрая лира». Участница мастерских АСПИР, фестиваля молодых писателей «Как хорошо!»

Рассказы из сборника «Из жизни Димки Удорцева»

Откровенный разговор

Родителей вызвали в школу, потому что мы с Витькой во время субботника решили сжечь мусор.

— Пап, говорю же, мы думали, так проще. Не надо вывозить куда-то. Мы же только листья прошлогодние. Они как задымились...

— С ума сошли? Костер на территории школы разводить...

— Можно подумать, ты ни разу не совершал глупостей, — пробубнил я.

Быстро оделся, обулся, чтобы не столкнуться с отцом в коридоре, и пошел в школу.

До первого урока оставалось минут сорок. Я прогулялся по парку, посидел на ступеньках у пруда, прочитал параграф по истории. И чуть не опоздал на математику. На перемене Витька радостно сообщил, что его родители от визита отмазались.

— А твои придут? — уточнила наша классная Ольга Михайловна.

— Отец вроде собирается, — я сделал вид, что мне все равно.

Хотя на самом деле жутко переживал.

Обычно в школу ходила мама, выслушивала замечания в мой адрес, потом пилила меня несколько дней и успокаивалась. Но на этой неделе у нее не было времени, и отец сказал, что заедет сам. Обеденный перерыв у него с двух до трех. Уроки закончились без пяти два, и я побежал в гардероб, чтобы не встретиться с ним. И наткнулся на него в коридоре.

— Ну, веди, — сказал он.

— Ладно, пошли.

Ольга Михайловна ждала в классе.

— Здравствуйте! — бодро крикнул отец.

Мне показалось, что он тоже волнуется.

— Я тут подожду, — шепнул я, прикрыл за ним дверь и отошел к подоконнику, чтобы не подслушивать разговор. А так хотелось.

На школьном стадионе старшекласники играли в футбол. Я стал следить за мячом. Но мысли возвращались к двери. Тогда я сдался и перестал делать вид, что мне все равно. Представил, что у меня длинные-длинные уши и направил их в сторону кабинета. Но ничего не услышал. Подошел немного ближе. Я знал, что результат встречи мог повлиять на мои планы. Отец разрешил мне пойти на день рождения Семена в субботу. Но, если претензий у Ольги Михайловны будет много, он точно передумает или не даст денег на подарок. А свои накопленные тратить не хотелось. Еще я подумал о возможных наказаниях: день без интернета, неделя без игр, месяц без карманных денег, отмена занятий по паркуру. Вовремя услышал шаги и отскочил к окну.

— Ну, — отец вышел из кабинета, — миссия выполнена. Ты прощен. Поехали, я еще успею пообедать.

Он присвистнул. Это означало, что у него хорошее настроение. Я не решился спросить о том, что было. Мы молча спустились вниз. Отец пошел к машине, я за курткой.

— Куда едем?

— Домой заскочим!

Через десять минут припарковались во дворе.

— Ты беги, воду поставь. Вареники сварим, — попросил отец.

Я взлетел на третий этаж, скинул куртку и ботинки, вымыл руки и нашел нужную кастрюлю. Налил воды, кинул соли немного и включил плиту. Пока я переодевался, отец бросил в кипяток вареники с картошкой, которые мы стряпали в воскресенье всей семьей. Поставил на стол две тарелки и сметану. Затеплилась надежда, что на день рождения Семена я все-таки попаду.

— Садись.

Я послушно сел и приготовился слушать краткий пересказ жалоб Ольги Михайловны. Решил, что отец пропесочит меня. Но он улыбался

как-то по-детски, не спеша вылавливал вареники и раскладывал их на блюде.

— В общем, от денежной компенсации она отказалась. Хотя я предложил, чтобы ты возместил ущерб из карманных денег. Но в следующий раз сам штрафану, понял?

Я кивнул.

— Утром ты спросил, совершал ли я глупости. Всякое бывало, конечно. И дрались не раз. В шутку и всерьез. Однажды я получил хороший урок. Мне тогда лет одиннадцать было. Гостил я у деда в деревне, дружил с Колькой Меркиным. В том году его старшего брата в армию забирали. И он Кольке по наследству землянку в лесу передал, которую они с пацанами сами выкопали. Конечно, Колька обрадовался, но один побоялся туда идти и позвал меня, — отец поставил блюдо на стол. — Ешь.

Я положил несколько вареников на свою тарелку. Про Кольку Меркина я уже не раз слышал.

— Мы радовались, что теперь нас будет свой штаб. Взяли хлеб, спички и в лес пошли.

Отец достал сметану из холодильника, сел напротив.

— Землянку я не сразу заметил. Выглядела она, как холмик небольшой. Вход ветками завален, снаружи и не подумаешь. Мы разгребли немного и протиснулись. А там темно, и только через две боковые дыры свет сочится. Весь пол устелен тополиным пухом. Представь, он лежал и висел повсюду, как снег. — Отец размахивал вилкой и, кажется, забыл про еду. — На полках, на потолке, в паутине. Колька решил, что первым делом его нужно вымести. Соорудил кривой веник из прутьев. Но пух не слушался и разлетался в разные стороны, к одежде прилипал. Надоело мне с ним воевать, и предложил я его поджечь. Чиркнул спичкой, поднес. Пух вспыхнул и исчез. Моментально! Раз и нет. Мы с Колькой веселились пока спички не кончились. Собрались домой. Вышли из землянки, а наверху все полыхает. Метров на десять вокруг вся трава выгорела.

Отец вилку положил. А я даже про сметану забыл.

— Колька заорал: «Бежим!» И мы рванули. Перепрыгнули огонь там, где он пониже был. Бежали по тропе, и, как назло, навстречу никто не попадался. И вдруг я вспомнил, что в лесу семья пчеловодов живет. Закричал Кольке: «Стой! Тут же дом в лесу. Сгорят. Надо им сказать». Но Колька не хотел, и мы поссорились. Я побежал один.

— Успел?

— Да. Колька догнал меня у ворот. Попросил не говорить, что это мы пожар устроили. Я и сам это понимал. Хорошо, что хозяйева дома оказались. Семья у них большая была, человек десять. Все выбежали в огород,

а там уже грядки арбузные горят. Кто-то пожарным позвонил, а мы с Колькой помогли воду носить. В общем, отработали по полной. А потом услышали вой пожарной сирены и побежали смотреть, как лес тушат.

Отец глаза опустил.

— Для меня это сначала как приключение было. Пока я не оказался на выжженной поляне. До сих пор помню, как от горячей земли пар шел. А вокруг черные стволы деревьев. Я ходил между ними и нашел птичье яйцо. Маленькое. Теплое. И вдруг понял, что оно сварилось, что птенец уже не родится, никогда не будет летать. Из-за меня. Потому что я поджег в землянке тополиный пух. Не подумал. И люди в том доме тоже могли погибнуть.

Отец поднял голову и посмотрел на меня:

— Пожарные решили, что кто-то бросил окурок, а пух разнес огонь по лесу. Обычное дело. Виноватых не найти. Пчеловоды нас чаем напоили. С медом. Отблагодарили, так сказать. Мы с Колькой сидели за столом и переглядывались. Такие вот дела, Димка.

Я впервые заметил, что глаза у отца светло-карие, с золотистой радужкой. Будто в них отражение пожара осталось. Отец набросился на остывшие вареники. Поел и уехал. Я мыл посуду и думал о том, как бы сам поступил на его месте.

«Убежал бы? Сдрейфил? А вдруг нет?»

Я подошел к зеркалу и увидел золотистую радужку. Как у отца.

В каждом что-то есть

Когда смотришь новости, возникает ощущение, что каждый день где-то идет война. Хотя мир такой цивилизованный, но люди все равно что-то делят. Бьются за территорию, ресурсы или за идею. Еще в пятом классе учебник истории не был таким грустным, а в шестом уже началось: варяги, татары, половцы. Только построят город, кто-нибудь нападет и все сожжет. Зачем?

Урок истории у нас сдвоенный. Потому что за один мы вообще ничего не успевали. К четвертой четверти все нить начали, даже отличники. Тяжело было запоминать княжества, правителей, годы жизни и прочие подробности. Хотя наш историк «папа Толя» сильно не давил и двойки ставил редко. В основном за наглость. А если честно признаться, что не готов, то даст шанс исправиться. В основном его все любили, но некоторые пользовались его добротой.

— Столько лишней информации, — застонал сегодня на уроке Семин. — Разве она мне пригодится?

— Надо знать историю своей страны, — улыбнулся Анатолий Иванович. Обычно он на провокации никогда не велся и на частые выпады Семина реагировал спокойно.

— Чего им всем не жилось мирно? Подумали бы о потомках, что нам потом мучиться. Все эти даты учить. Тоже мне подвиги.

— А ты, Андрей, о своих потомках думаешь? — папа Толя встал из-за стола. — Что ты готов сделать для потомков?

— А я вообще детей иметь не хочу.

Весь класс оторвался от учебника. Все повернулись к Семину.

— Зачем жить тогда? — спросила Тася.

— Да просто жить, — Семин встал и принял любимую позу оратора: одна нога на полу, вторая согнутая на стуле, руки раскинуты в стороны. — Путешествовать, мир посмотреть. Вот в десятом веке люди что видели? Да ничего! Многие от своей крепости на километр не отходили. Поле, семья, изба. Не знали, что за ближним лесом. А сейчас много знаешь и больше хочется.

— Согласен! — вскочил Федотов. — Что нам предки оставили? Вот мои прадеды двести лет в новгородской деревне жили. Теперь ее нет, все уехали, дома свои бросили. Мама даже дачу там строить не хочет. Говорит, земля плохая, летом мошкары много. Лучше уж на юг куда-нибудь съездить.

— А мы, наоборот, дом купили, — раздался тихий голос Веры Терентьевой. — Папа во дворе качели сам сделал и беседку. Все лето там жили.

Я Веру понимаю. У них семья большая, всемером в квартире тесно. Братья еще мелкие, им бегать надо. Моей сестре Вике хоть и пять лет, но она часто в мою комнату лезет. Мешает. А когда мы на даче, то целый день можем не встречаться. Она в огороде где-то играет или с соседскими девчонками, а я на своем чердаке сижу.

— Вот вы и ответили сами. Вас двадцать шесть человек в классе, и у каждого — свое мнение по поводу того, что оставить своим потомкам. У ваших родителей, братьев, сестер тоже своя точка зрения. Так и раньше было. Кто-то пашню возделывал, болота осушал, чтобы жизнь улучшить и детям землю передать. А кто-то семечки на лавке щелкал.

— А что, нельзя? — кажется, Семина задели за живое. — У каждого есть право жить, как хочется.

Мне показалось, что он обиделся. Может, действительно показалось? Я с ним мало общался, он всего второй год в нашем классе. В пятом пришел. После уроков его мама сразу забирает, на какие-то занятия везет. В футбол и волейбол с нами он не играет, в редколлегию войти не захотел. Поэтому мы с ним особо не пересекались. На уроках обычно заводит

отвлекающие разговоры, чтобы время потянуть. А сегодня как-то все было по-настоящему. Семин нервничал, теребил рукав пиджака.

— Ну, хорошо, — папа Толя пожал плечами. — Вспомните, пожалуйста, имена тех, кто оставил что-то важное для потомков. И не только для своих.

— Пушкин! — крикнул Гриша, и все засмеялись.

— Ломоносов!

— Леонардо да Винчи!

— Петр Первый!

— Никола Тесла!

— Айвазовский!

— Гейтс!

Все кричали, перебивая друг друга. Я назвал Айвазовского, потому что правда люблю его картины. И Бредбери, потому что недавно читал его рассказы. Папа Толя терпеливо ждал, пока все успокоятся. Вскоре возгласы стали редкими и утихли.

— Сколько вы назвали?

— Ну, не знаю, сто примерно, — предположил Пирожков.

— И все? — папа Толя развел руками.

— Нет, конечно, — встал Сева Букин. — Всех знать невозможно. Те, кого мы назвали, сделали очень много, вошли в историю. А есть люди, которые тоже что-то изобрели, что-то построили, придумали, но о них мало знают.

— А вы можете назвать имена тех, кто ничего не сделал? — папа Толя поправил очки, которые почему-то постоянно сползали на кончик носа. — Кто жил в свое удовольствие и не оставил ни дома, ни писем, ни денег.

— Ну, думаю, о таких никто не знал, не общался с ними, — Букин растерялся. — Они же сами по себе.

— С нами на одной площадке дед живет, — спокойно, по-деловому начала Света. — Совсем один, к нему никто не ходит. Он никогда с нами не здоровается. Хотя я его так редко вижу...

— А вдруг он физик-ядерщик? — перебил ее Тимофей. — Сидит и что-то изобретает для потомков.

— Или книгу пишет, — добавил Букин масло в огонь.

— Обычный дед! — завелась Света, просверлив взглядом Тимоху. — По нему видно, что он не гений.

— Как интересно, — папа Толя жестом попросил Свету выйти к доске. — Погляди-ка на всех. Есть среди них гении?

Света подняла голову и посмотрела на Лену, на Тасю, на Севку, на меня, на остальных. Все замерли. А мне стало страшно. На кого она сейчас покажет? Или вдруг скажет, что гениев среди нас нет? Я не думал о

том, действительно ли она может чувствовать талант в человеке. Я боялся, что она не заметит мой. Не обязательно художественный. Хотя какой-нибудь. Наверное, так думали все. Двадцать шесть человек стояли молча в ожидании своей участи. Света переводила взгляд с одного на другого.

«Я! Я хочу оставить что-нибудь важное для потомков!» — неожиданно закричал мой внутренний голос.

Плечи расправились, и, кажется, даже волосы на макушке зашевелились.

Вдруг Света всхлипнула, закрыла лицо руками, села на свое место. И так тихо стало, что я услышал тиканье часов, висящих на стене.

— Когда Саша Пушкин был неуклюжим мальчиком, — прервал всеобщее молчание папа Толя, — никто и подумать не мог...

— А Диоген вообще в бочке жил, как бомж! — перебил Гришка.

— А Ломоносов в деревне у Белого моря.

— И Петр Первый как обычный плотник выглядел, когда корабли строил.

— Тише, тише. Вы правы, не стоит судить по внешности. Если человеку хочется мир увидеть, это тоже хорошо. Во все времена были любопытные, которым дома не сиделось. Ходили за три моря, одни за товарами, другие за впечатлениями. Возвращались и рассказывали о восточных странах, о слонах и верблюдах, ярких коврах, непонятных обычаях. Другие их слушали и тоже мечтали увидеть все это. Благодаря им совершались новые открытия, появлялись новые пути.

— Точно! Наш Семин весь мир облетит, а потом блог вести будет.

— Может, он книгу напишет.

— Нет, он будет языки изучать. Он же полиглот, уже три языка знает! — Лена сидела с ним за партой и, видимо, обладала большей информацией, чем остальные.

Все посмотрели на Семина с уважением.

— Ну, вот, а ты говорил, что потомкам оставить нечего, — папа Толя протянул ему руку. Семин ее пожал. — Не бывает так. Главное, свой талант в землю не закопать.

— А то сгниет, — вставил Гриша.

Все опять засмеялись. И я понял, почему Света не смогла выбрать самого гениального. Потому что в каждом из нас что-то есть.

Последний день Помпеи

Со мной иногда случаются странные вещи. Я словно попадаю в какой-то портал и оказываюсь в другом времени и пространстве. Как в кино.

Правда! У меня есть блокнот, в который я записываю все, что там было. Пока записей всего три. Одно из таких мест находится в нашем парке, у пруда. Второе — в лесу, около дачи. А недавно портал открылся в Русском музее.

Раз в месяц мы ходим туда с ребятами из художки. Наш педагог по живописи Майя Семеновна считает, что нам необходимо смотреть на работы мастеров. Я, конечно, согласен. Мне нравится там бродить. Особенно когда народу мало. Можно отстать от группы и увидеть картину, которую ты уже видел несколько раз, совершенно по-новому. Придумать свою историю. Но в этот раз я не просто придумал. Я нырнул в последний день Помпеи.

Сначала все было, как обычно. Я вместе со всеми слушал рассказ Майи Семеновны:

— Главные мотивы картины — бессилие человека в борьбе с грозной стихией. Жители Помпеи не верили, что город может быть разрушен. Некоторые из них не захотели покинуть свои дома при первых подземных толчках. Они не понимали, что это связано с вулканом, который спал долгое время, и вдруг решил проснуться.

Я отошел в сторону, сел на диван и засмотрелся на красное зарево вулкана, изображенное на картине.

«Везет же, люди видели Везувий! Не спящий, огненный. Я бы стоял и любовался. А они бегут. Не понимают, что такое раз в миллион лет бывает».

Я смотрел, смотрел и отключился. Нет, не уснул, конечно. А словно выпал из реальности, представил себя там, в древнем городе. Увидел, как сижу в доме, ем кашу, и вдруг тарелка подпрыгивает на столе. Смотрю на маму, она успокаивает меня, говорит, что это случается иногда. Что боги разгневались на тех, кто ведет дурной образ жизни. Поэтому земля трясется и скоро треснет. В расщелину упадут все, кто не почитает богов. Но нашу семью это не коснется. Потому что мы живем праведно. Я верю ей и ложусь спать после ужина. Маленькая сестра плачет. Мама качает ее на руках, напевая колыбельную. И я засыпаю.

— Художник принял версию, согласно которой город охватило пламя. — В мой сон врывается голос Майи Семеновны. — А люди бежали и погибали в потоках раскаленной лавы. Но ученые доказали, что на самом деле все было иначе. Везувий не извергал лаву. Сначала из него поднялся столб дыма и пепла, а потом полетели камни.

Раздался грохот. Вскрикнула мама. Громко заговорил отец. Я вскочил и спросонья не мог понять, что случилось. Ужас! Обрушилась крыша в большой комнате. Отец пытался открыть входную дверь, чтобы мы смогли выйти из дома. Наконец, ему это удалось. Мама с сестрой на руках протиснулась в узкую щель. Я за ней. Отец выбрался последним.

Майя Семеновна продолжала тихо и медленно:

— На полотне мы видим застывшее мгновенье. Ночь. Зарево пожара освещает город. Люди только что покинули свои дома. Кто-то в ужасе смотрит на пламя. Кто-то выносит ценные вещи. Кто-то стоит в полной растерянности, не понимая, что делать.

У меня все было не так. Выбежав из дома на улицу, я чуть не задохнулся. Повсюду клубилась пыль. Отец разорвал свой плащ и обмотал мое лицо тканью, чтобы пепел не попал в нос и в горло. Себе и маме сделал такую же повязку. Сестренку полностью запеленали в оставшийся кусок ткани.

Мы побежали вниз по мостовой в сторону моря. Свернув на главную улицу, попали в поток бегущих людей. Я изо всех сил старался не потерять из вида мамину фигуру. С каждой минутой это становилось труднее. Потому что ее белые одежды стали такими же серыми, как стены.

— На картине при свете огня хорошо видны фигуры и лица людей. Мы можем разглядеть каждого персонажа. Одежда и личные вещи помогают нам понять род их деятельности. Вот художник, похожий на автора картины, держит инструменты и не знает, куда бежать. Девушка с сосудом. Семейство с детьми. Старая женщина, которая не может больше идти и прощается с сыном. Маленький ребенок рядом с потерявшей сознание матерью. Священник, с ужасом вззирающий на пламя. Рассыпанные на земле драгоценности.

Я всего этого не замечал. Мчался в темноте по каменной мостовой, не оглядываясь. Что-то черное падало сверху и больно стегало по спине, по плечам, по ногам. Я слышал впереди плач сестры и бежал за ним. Боялся потеряться в этой тьме, отстать от родных, запнуться и упасть.

— Красивые лица, правильные пропорции человеческих тел, складки одежды, взгляды, передающие эмоции, заставляют нас восхищаться мастерством художника.

Лиц не было! Одинаково-безобразные серые фигуры метались рядом, толкались, падали и снова поднимались. Выкрикивали молитвы и проклятия. Сестра больше не плакала. Стало трудно дышать, но я не останавливался. Продолжал бежать к морю. Знал, что спасение там.

— На протяжении шести лет Карл Брюллов создавал свою картину, чтобы сказать нам о главном: человек должен оставаться человеком, даже перед лицом смерти.

Я чувствовал себя загнанным зверем. Оленем, убегающим от пожара. Существом, которое не в силах противостоять природе, которое сможет выжить только благодаря инстинкту самосохранения. Его спасут быстрые ноги и везение. Мама называла это милостью Бога. Но сейчас я верил только своим ногам и просил их бежать быстрее. Родители про-

пали. Я надеялся, что мы встретимся на берегу. Наконец, увидел мачты на фоне темного неба. Чья-то рука схватила меня и закинула в лодку. Это был отец. Рядом мама. На руках у нее спящая сестренка.

— Дмитрий, досмотрел сон? — Майя Семеновна слегка хлопнула меня по плечу. — Надеюсь, про Помпею?

Я вздрогнул и открыл глаза. Зажмурился от яркого света ламп. Услышал, как хихикают девчонки.

— Переходим в следующий зал. Не отставайте, пожалуйста.

Я кивнул. Подошел ближе к картине. Плачущий кудрявый ребенок чем-то напоминал мою сестру Вику. Рядом лежала женщина. Я схватился за карман, в котором лежал телефон. Выбежал из зала вслед за группой. Майя Семеновна уже начала рассказывать о чем-то другом. А я чувствовал, что на сегодня хватит. Спрятался за угол от бабушек-наблюдателей и позвонил маме.

— Привет, — мамин голос нарушил музейную тишину. Оказалось, я нечаянно включил громкую связь. — Что интересного сегодня?

Я отключил звук и прошептал:

— Брюллов. «Последний день Помпеи». Потом расскажу. Как ты?

— Иду на совещание. Давай, через час перезвоню. Люблю тебя.

— Ага. Пока.

Повернулся к окну и увидел голубку, сидящую на карнизе с уличной стороны. Она глядела на меня, а я на нее.

— Далеко спящий Везувий, — зачем-то пробормотал я.

Птица вспорхнула и полетела куда-то вниз.

— Молодой человек, это не вы в Помпее оставили? — раздался скрипучий голос за спиной.

Музейная бабушка протягивала мне чей-то серый шарф. Я замотал головой и побежал искать свою группу.

Кто-то хитрый и большой

На прошлых выходных мы ездили на дачу. Вика уже не ныла в машине, а рассматривала новый детский журнал. Изредка приставала ко мне, чтобы я почитал ей вслух. В номере было много загадок, ребусов, игрнаходилок, поэтому время пролетело быстро. Я заметил, как она повзрослела. Еще недавно ныла по любому поводу, а теперь сама находит занятие. Раньше называла меня «нана Дима», а теперь просто Дима.

Наша дача стояла на краю поселка, а за нею сосновый бор. Отец оставил машину у ворот. Мы выскочили первыми, кинули свои рюкзаки

на крыльцо и рванули к лесу. Я сделал вид, что не могу обогнать Вику. Она довольная неслась по тропинке.

— Не ходите далеко! — с этой фразы начинался каждый приезд на дачу.

Вика ее не услышала, потому что в этот момент уже стояла у своего муравейника.

— Ну, как вы зимовали, мурашки? — спросила она.

У меня никогда не хватало терпения долго наблюдать за чем-нибудь. Даже в художке на пленэре. Я часто вставал, ходил, смотрел, как рисуют другие. Брал с собой два мячика и жонглировал, чтобы отдохнуть немножко. А Вика еще прошлым летом могла сидеть здесь или у реки пару часов. А потом болтала, рассказывала про муравьев, про мошек и паучков.

«Что в них интересного?» — я решил понаблюдать.

Сначала муравьи показались мне совершенно одинаковыми. Ползли ровными рядами. Я нагнулся, чтобы рассмотреть поближе, тогда они забегали быстрее. Один бросил щепку, юркнул внутрь. Два других подобрали ее и поволокли дальше.

— Отойди, пожалуйста, ты их пугаешь! — замахала руками Вика.

— А ты не пугаешь?

— Нет! Мы давно знакомы. Меня они не боятся, — заявила она.

Я отошел. Эксперимент не удался. Стряхнул сухие хвоинки со скамейки у забора и сел. Вика убедилась, что я далеко, снова присела у муравьиного домика. Смешно разводила руками, указывала пальцем то в мою сторону, то на дом. Наверное, объясняла, что мы приехали.

Я оглянулся. Мама стояла на крыльце и смотрела в нашу сторону. Тогда я впервые ухватил эту тонкую цепочку: «Вика наблюдает за муравьями. Я за Викторией. Мама за нами. Какие-нибудь птицы, например, вороны, которых здесь много, наблюдают за нашим домом. Может и сосны за нами наблюдают? Они высокие, им хорошо видно весь поселок. Тучи наблюдают за бором и речкой. Солнце следит за тучами и облаками, оно выше. Значит, мы постоянно находимся под чьим-то внимательным взглядом».

Что-то хрустнуло рядом. Я повернулся. У забора сидела незнакомая серая кошка и настороженно смотрела на меня.

— Кыс-кыс-кыс, — тихо позвал я.

Она встала и пошла в другую сторону. Видимо, хотела убедиться, что я не опасен.

Каркнула ворона. Как я и подозревал, она сидела на ближайшей сосне, искоса поглядывая на меня. Я кивнул ей. Она снова каркнула и наклонила голову в другую сторону. Я повторил. Помахал. Она перелетела на ветку выше. Так мы долго смотрели друг на друга.

— Дима, ты чего? — встала передо мной Вика. Ворона шумно взмахнула крыльями и улетела. — Ты знакомился? Как ее зовут?

— Бора.

— Почему?

— У нее дядя — медведь.

— Так не бывает.

— Она так сказала.

— А как она сказала? — недоверчиво прищурилась Вика. — Ты же не понимаешь птичек.

— Ты муравьев понимаешь, а я птичек не могу? Почему?

— Ну, ладно. Мураши просили до завтра их не беспокоить. Пошли домой.

— Вика, стой. — Мне хотелось поделиться с кем-нибудь своим открытием прямо сейчас. — Тебе не кажется, что за нами всегда кто-то наблюдает.

— Нет. Меня же не видно.

— Почему?

— У меня есть шапка-невидимка. Я, когда хочу, надеваю ее.

— Часто?

— Да, особенно в садике. Если мне играть и бегать не хочется.

— И что, никто не подходит?

— Никто.

— А можешь дать на денек? — я почти поверил.

— Нет, тебе надо свою найти.

— Как?

— Ну, идешь, идешь, видишь шапку. И знаешь, что это твоя.

— А как шапка-невидимка выглядит?

Вика задумалась.

— Моя — коричневая такая, как веточки. И с боку три листочка зеленых. Хочешь, я тебе нарисую?

— Вечером. Ты иди, скажи, что я скоро приду.

— Шапку будешь искать?

— Ага.

Вика засмеялась и убежала вприпрыжку. Я посмотрел на вершушки сосен и вспомнил, что не рисовал целую неделю. Сфотографировал, чтобы нарисовать потом. Разные зеленые оттенки напомнили о старой прадедовской пилотке, в которой он прошел всю войну. Пехотинец, разведчик, служил на Карельском фронте. Дошел до Берлина. Вернулся живым. Рассказывал папе, что эта пилотка ему несколько раз жизнь спасала. Она уже была застиранная и выцветшая. Тут темнее, там светлее.

Я закрыл глаза и почувствовал пилотку на голове. Решил не шевелиться, чтобы ощущение не пропало. Не знаю, сколько так просидел. Открыл глаза, а мимо кошка медленно идет, будто не видит меня. Я свистнул, она подпрыгнула и убежала. Пошел к дому. У ворот отец машину мыл. Я мимо, и на крыльцо. Он даже не окликнул. Мама на кухне сумки разбирала. Я прошмыгнул в комнату, а там Вика рассматривала книжки. На меня ноль внимания.

«Надо же, точно невидимка! О, Димка-невидимка!» — я засмеялся, запрыгнул на диван, «снял» прадедовскую пилотку. И тут началось!

— Смотри, тут сказка про Страшила и дровосека, — повернулась ко мне Вика. — Почитаешь?

— Не сейчас, — я вышел из комнаты.

— Иди, отцу помоги, — крикнула мама.

Отец сидел на крыльце. Махнул мне рукой, я сел рядом.

В машине играла любимая отцовская песня:

У тебя в кармане
Два мелка и волшебный камень.
Ты волшебный камень
На Восьмое марта подаришь маме.
А с высокой крыши
Все на свете слышно —
Кто-то хитрый и большой
Наблюдает за тобой.

Магия

В голубом небе распушились одуванчики облаков. Я сидел на турнике и дул на одно из них. Оно медленно растворялось в вышине.

«Все возможно! — говорил мне отец. — Главное — не бояться, а делать».

Наверное, когда я стану совсем взрослым, то пойму своих родителей, и Майю Семеновну тоже. А пока — трудно. После майских праздников накатила на меня великая лень. Не то чтобы я валялся на диване и ничего не делал. Нет, я убегал из дома играть с пацанами в футбол, бродил по парку, смотрел киношки и читал. Но уроки меня не вдохновляли. Даже в художку шел без настроения, а потому что надо. Всю неделю прятался от Майи Семеновны. Но в пятницу живопись, последнее занятие, пропустить нельзя. Я знал, что она спросит меня, почему я до сих пор не сдал работу для конкурса.

— Ну, Дмитрий, что скажете в свое оправдание? Завтра последний день, а ваши иллюстрации не готовы. — Она всех называла на «вы», даже первоклашек.

— Принесу, Майя Семеновна. Сегодня забыл, — тихо соврал я.

— Хорошо, Дмитрий. Не стоит упускать такой шанс. Победа в этом конкурсе поможет вам в будущем поступить в любое высшее художественное заведение. Принесите в понедельник.

Весь урок я мысленно пытался распределить выходные так, чтобы найти время и дорисовать эти чертовы иллюстрации. Пейзаж не получался, акварель растекалась по листу. Весенний лес превращался в грязные пятна. Небо вышло серым. А еще в перерыве позвонил Гришка и напомнил про кино в воскресенье.

— Ну, да, — кратко ответил я и отключил телефон.

Говорить ни с кем не хотелось, особенно про планы на выходные.

Пейзаж немного высох, но краше от этого не стал.

— Можно я дома переделаю? Мне бы сегодня пораньше уйти. Мама просила сестру из садика забрать, — опять зачем-то соврал я.

— Хорошо, Дмитрий. Помните, в понедельник вечером я везу работы на конкурс.

Я кивнул, вылил грязную воду из банки, сложил мольберт, взял вещи и вышел из класса. Решил немного прогуляться по парку, посмотреть на уток. Мама сказала, что они уже прилетели, а я их еще не видел. По дороге заскочил в магазин и купил булку. Половину съел, а вторую уткам оставил. Только их почему-то на пруду не оказалось, пришлось самому доедать. Идти домой не хотелось. Может, потому что иллюстрации к роману Брэдбери требовали внимания, а может, потому что в парке было тихо. Я прошелся по дорожкам вокруг пруда и свернул к спортивной площадке. Два пенсионера пыхтели на тренажерах. А я повис на турнике, раскачался и прыгнул вниз. Потом еще раз. Подошла шумная компания мамочек с детьми. Одна закричала:

— Ты что делаешь? А если эти повторять за тобой начнут? Шею свернут!

Пришлось уйти. Вернулся к пруду, покидал камушки в воду. Включил музыку в телефоне, слушал, пока зарядка не кончилась. Еще побродил по парку, и не заметил даже, как стемнело. Зажглись фонари. Я пошел домой. Почему-то ключа в рюкзаке не оказалось, пришлось звонить. Дверь открыла мама.

— Где ты был? — по ее тону я понял, что случилось нечто ужасное.

— А что? — кинув рюкзак в угол, я пытался развязать узел на ботинке.

— Ты знаешь, который час? Я звоню, а телефон выключен. Майя Семеновна сказала, что ты в садик пошел. Где ты был?

— А папа тебя ищет! — выглянула из комнаты Вика.

Мама позвонила отцу:

— Он дома. Не знаю, где был.

Зыркнула на меня исподлобья и ушла на кухню.

«Вот попал. Отец ищет».

Конечно, приятно стало от того, что обо мне беспокоятся. Но вскоре я понял, что мое вранье Майе Семеновне выплыло наружу, как всякая бяка по весне. И запахло скандалом. Я скрылся в своей комнате. Достал рисунки и линеры, уселся за стол.

Да, пейзажи мне никак не удаются! Одуванчиковое поле больше походило на желтую ткань, расстеленную на зеленой траве. А страшный овраг напоминал разрезанный сэндвич. Только полковник Фрилей выглядел так, как нужно.

Я услышал, как пришел отец. Они с мамой негромко поговорили на кухне. Схватив черный линер, я начал штриховать овраг. Когда голоса стихли, дверь в мою комнату открылась. Отец вошел и встал за моей спиной, наблюдая, как я рисую. И молчал. Как же трудно было в этот момент думать о композиции, пропорциях и толщине линий. Я ждал, что будет дальше. Но он молчал и не двигался. Моя правая рука затряслась, и линии стали нечеткими. С одной стороны, я боялся испортить работу, с другой — отношения с отцом. Линер не слушался. Внутри меня забурлила злость, как кипящий брусничный кисель в кастрюле. Кипела, кипела и, наконец, выплеснулась.

— Что? — я повернулся к отцу. — Я не имею права по парку погулять? На турнике повисеть? У меня плохо получаются пейзажи. Я вообще акварель не люблю. Ну, не знаю я, зачем согласился в этом конкурсе участвовать. Майя Семеновна уговорила. Я не хотел. Вот и не получается ничего.

Мое сердце колотилось, как в школе после зачета по бегу. Отец молча кивнул и вышел. Я прошелся по комнате. Встал на руки у стены и постоял несколько минут вверх тормашками. Рухнул на ковер. Лежал на спине и смотрел на лампы. Вспомнил, как лет пять назад мы вместе с родителями делали проект моей комнаты. И мне нравилось придумывать, рисовать чертежи полок. Тогда еще не было Вики.

Закрыв глаза и представил, что плыву на спине по морю. Как прошлым летом. Вдалеке берег, кто-то машет мне рукой. Майя Семеновна. Елки!

«Хорошо. Завтра я все доделаю. А воскресенье — мой день. Извините. Имею право».

В квартире стихли все звуки. Я пробрался на кухню. На столе стояла тарелка с салатом и двумя кусками пиццы. Для меня.

На следующий день родители с Викой рано утром уехали на дачу. Оставили мне еды на два дня и немного денег на всякий случай. Я ждал, что позвонят, но никто не звонил. Полдня я просто бродил из комнаты в комнату. Потом завалился на диван с «Вином из одуванчиков». Перечитал две любимые главы. Наконец, собрался с силами и сел дорисовывать иллюстрации. Изредка устраивал перемены: пил компот с печеньками, бродил по квартире, разглядывал старые фотографии на стене в маминной спальне. И опять шел рисовать. Закончил к полуночи.

В воскресенье выспался, позвонил Гришке, и мы сходили в кино. В понедельник я сдал работы, как обещал. Если честно, победы не ждал. А двадцать седьмого мая узнал, что занял второе место в конкурсе.

— Горжусь тобой, — отец пожал мне руку.

— На, держи в копилочку, — мама выдала мне денежную премию.

Майя Семеновна повезла меня в художественное училище на награждение. Я заметил, как она смахнула слезу, когда мне вручали диплом. Теперь он висит на стене в моей комнате. Конечно, я рад.

Рад, что дорисовал.

Что родился, живу.

Что я все могу, когда захочу.

Вот сижу на турнике, дую на облако, и оно исчезает.